

О.Б. Кох.

«ОН БЫЛ ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК...»

(Эпизод из жизни М.И. Семевского)

Жизнь и деятельность Михаила Ивановича Семевского, известного во второй половине XIX в. всей читающей России редактора - издателя исторического журнала "Русская старина", прошла в основном в Петербурге, куда он был привезен пятнадцатилетним выпускником Полоцкого кадетского корпуса для продолжения образования в Дворянском полку. Но нежное чувство к родовому имению - милому сельцу Федорцово, что располагалось в двадцати верстах от Великих Лук, запечатлелось в ранних детских воспоминаниях и оставило глубокий след в его жизни. М.И. Семевский любил Псковскую землю, интересовался ее историей и современной жизнью. Многократно совершал поездки по губернии с научными целями (первая состоялась в 1862/63 гг. для обследования народных училищ). Путевые заметки, как правило, публиковал. Самые известные, не утратившие научной значимости и в наши дни, - это рассказы о посещении Алексея Вульфа в Тригорском в 1866 г. и села Палибино в 1890 г. Он всегда с вниманием относился к деятельности Псковского статистического комитета, членом которого был с 1860 г. Однако особый интерес

вызывал город Великие Луки, в общественной жизни которого принимал самое деятельное участие и как почетный мировой судья, и как попечитель Великолукского реального училища.

Биография М.И. Семевского написана еще в 1895 г.¹ Она неполна и подчас предвзята, поскольку писалась по заказу вдовы и повествовала исключительно о делах, достойных его высокого чина тайного советника. В жизни М.И. Семевского еще много неизвестных страниц... И многое связано с дорогим ему Псковским краем...

"Живо воскресают перед нами воспоминания зимы 1862 (декабрь-январь) - 1863 годов", - писал Михаил Иванович Семевский в путевых заметках 1890 г. о посещении села Палибино.² Однако далее не было сказано ни единого слова о том, что именно он вспоминал. А речь шла о событиях, которые хорошо известны по книгам историка С.Я. Штрайха, - о неудачном сватовстве к Анне Васильевне Корвин-Круковской.³ И ловкость жениха, пытавшегося действовать в обход родителей, и взбалмошное поведение его избранницы представлены автором так, что складывается впечатление, что только родители сумели удержать ситуацию в рамках пристойности: жених, гонявшийся лишь за большим приданым, был изгнан, "мечтания и стремления" дочери были

Кох Ольга Борисовна - кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Государственного музея политической истории России (г.С.-Петербург).

поняты матерью, хотя она и "не одобряла ее взгляды на жизнь".⁴ Во всей этой истории самой непривлекательной фигурой оказался М.И. Семевский: он ссорится с господами великолукскими дворянами, "отличается" на торопецких увеселениях, неудачно ищет в лице одного из родственников Круковских поверенного своего романа; в эти же дни приходит от петербургской знакомой Анны письмо с весьма "дурными известиями насчет... героя". Картина, как ее представлял С.Я. Штрайх на основании материалов личного архива семьи Корвин-Круковских, весьма неприглядная.

Но дадим слово и подсудимому - Михаилу Ивановичу, 25 лет от роду, человеку без службы (вышел в отставку в 1861 г. в чине прапорщика без права ношения мундира), перебивающемуся частными уроками и скромными гонорами за литературный труд. Последний был настолько важен для него, что Семевский готов был принести в жертву и свою молодость, и личную жизнь ради служения Клио. "Я кажется записываюсь окончательно в разряд холостяков твоего разряда: моя жена - русская история; мое детище - труд; мое горе - кадетское воспитание, благодаря которому я многого лишился, что положительно нужно при моих теперешних занятиях; моя отрада - то чувство, с каким относится хоть часть публики к моим трудам, моя надежда - оставить по себе имячко, и чтоб в словаре российских деятелей - писателей"⁵, - так писал Семевский своему первому учителю О.И. Малевичу в марте 1862 г. в Палибино, где тот принял на себя обучение детей отставного генерал-лейте-

нанта В.В. Корвин-Круковского. Переписка эта хранится в Пушкинском Доме в С.-Петербурге, вместе со всем архивом Семевского. Письма охватывают период с 1865 по 1869 гг., но дошли до нас не все, либо были утеряны адресатом, либо уничтожены по просьбе самого Семевского в те же годы (отсутствуют письма конца 1862 - начала 1863 гг. и 1865 г.), оставшиеся были возвращены Семевскому по его просьбе и поэтому находятся в его личном архиве. Кстати, это не единственный случай, он часто настаивал на возврате корреспонденции. По этой переписке картина сватовства предстает в несколько ином свете. И с семьей Корвин-Круковских, постоянно поселившейся в деревне только с 1858 г., и со своей избранницей Семевский знакомится первоначально по письмам учителя. Малевич не был доволен своей жизнью в новом для него доме, жаловался на характер и отношение генерала, поэтому Михаил Иванович, успокаивая учителя, настоятельно предлагал воспользоваться приглашением своего отца и жить на пансионе в селе Федорцове, поскольку от генерала ожидать нечего, ибо он, как и прочие местные дворяне, по словам Семевского, "потомственно-столбовая, всероссийская свинья, да и порода-то вовсе не улучшается, а так, мелковата".⁶ В таком духе могли бы и дальше переписываться ученик с учителем, если бы в жизни семьи Семевских не произошло важное событие. Младший брат Александр женился на богатой и красивой Александре Васильевне Бутаевич-Петрашевской. Мила, умна, знает языки, имеет состояние - 12 тысяч рублей наличными, доход ежегод-

ный с домов, деревню в 1500 дес. земли, сообщал Семевский 18 марта 1862 г. и далее, рассуждая о своей "жене - истории», закончил сентенцию словами: "Брачные узы не для меня! Бедную взять - значит парализовать свою авторскую деятельность, со средствами не пойдет за меня, да я их и не вижу в своей кабинетной жизни!".⁷ Малевич, видимо, всерьез принимает эти рассуждения и решает помочь своему любимцу. Прежде всего он выясняет, не отдано ли кому-либо его сердце. Однако в письме от 13 июня 1862 г. Михаил Иванович опровергает все слухи, а поклонниц ему приписывали немало. Он входил и в салон Ольги Сократовны Чернышевской, что было предосудительно в глазах добропорядочных обывателей, поскольку муж Н.Г. Чернышевский, предоставил ей по тем временам непопозволенную свободу поведения. "Что, дорогой друг, - писал Семевский. - разбил я все твои подозрения в сердечных отношениях. Нет, голубчик, да пребуду тебе последовательным вполне: труженик рабочий - мне ли делить кусок черствого хлеба с милым существом, что я ей могу дать?"⁸ Видимо, удовлетворившись ответом, Малевич решает познакомить молодых людей, он стремится заманить Михаила Ивановича в Палибино, более не пишет гадости про генерала, рассказывает об уме и красоте Анны, посылает доверенных лиц. В письме от 25 августа 1862 г. Семевский сообщает: "Был у меня Д.П. Тимофеев, много говорил о тебе, еще больше о твоей ученице. По его словам, быть в Великолукском уезде и не познакомиться с этой замечательной девушкой непростительно. Жаль, что я едва ли в со-

стоянии буду заглянуть ныне в Великолукский уезд».⁹ Знакомиться Семевский не спешит, да и по отношению к Анне настроен был скептически. В ее адрес "вырывается как-то из под пера» насмешливое замечание; желает ей "не останавливаться на пути своего развития; (между нами) не заноситься за облако, т.е. не вдаваться в решение отвлеченных вопросов».¹⁰

Однако при личной встрече от иронии не осталось и следа. "Стройная, прекрасная блондинка, с синими как бы зелеными глазами и дивною волнистою косою..."¹¹ покорила сердце молодого литератора. Далее события развивались стремительно. Уже 16 января 1863 г. Семевский делает предложение, а 16 марта, получив родительский отказ и запрет бывать в доме, навсегда покидает Палибино около трех часов ночи "в самую бурную и страшную погоду», как отметила в своем дневнике Е.Ф. Корвин-Круковская. Событиями этой ночи и заканчивает С.Я. Штрайх историю сватовства Семевского, оценивая его как мимолетный эпизод в жизни Анны. Затем был роман с Ф.М. Достоевским и супружеская жизнь с В. Жакларом. Однако описанный эпизод не был мимолетным для Семевского и оставил в его судьбе заметный след. Да и сама история закончилась не в 1863 г., а лишь спустя три года. Обратимся к письмам. Вначале Михаил Иванович был раздосадован, обрушил свой гнев на учителя за неумелую посредническую деятельность, но уже в октябре 1863 г. просит прощения, а также, понимая, что в данный момент не в состоянии преодолеть запрет генерала, желает вернуть бумаги, которые могут

скомпрометировать его: “В бытность мою в Палибино я оставил мое письменное мнение о трудах госпожи А.В.К. - будь добр, если можно, выпроси у нее этот опус и уничтожь либо перешли его мне”.¹² Но не забыл свою пассию, и в письмах за 1864 г. неоднократно встречаются приписки: “О Палибинском житье-бытье и Палибинских обитателях, пожалуйста, пиши сколь можно подробнее, и, разумеется, давая побольше места фактам. Палибино меня продолжает да и всегда будет интересовать, чему разумеется и ты не удивишься” (18 марта); “еще раз прошу, пиши об этой личности подробно и откровенно” (4 апреля).¹³ Кульминацией событий стал 1866 г. За это время Семевский успел прочно обосноваться на службе в Государственной канцелярии, правда, еще в скромном чине титулярного советника, но уже с тремя денежными награждениями, зафиксированными в послужном списке. Успел он сделать имя и как автор популярных тогда монографий “Царица Прасковья” (1861) и “Семейство Монсов” (1862). Преисполненный гордостью за свою карьеру, как чиновничью, так и литературную, и не видя больше причин к отказу, Семевский через Малевича возобновляет сватовство. Но “сухой по внешним формам, несколько надутый генеральством, старик Корвин-Круковский” (так охарактеризовал его Семевский спустя почти 25 лет в воспоминаниях о посещении Палибина)¹⁴ вновь отказал. Свою досаду неудачливый жених, как и прежде, излил в письме к учителю. Написано оно 3 августа в селе Голубово, имени баронов Вревских, где пребывал Семевский, совершая

очередной вояж по любимой им Псковщине. Приводим текст письма почти полностью, за исключением нескольких первых и последних фраз, обращенных к адресату с принятыми в таких случаях словами приветствия и прощания*. “Письмо мое к тебе написано не вследствие минутного настроения, - писал Михаил Иванович, - в течении всех трех лет я сохранял всегда привязанность и искреннее расположение к А<вне>. Расположение это поддерживалось и с ее стороны: по крайней мере и прошлое лето и нынешнее я узнал от лиц, заслуживающих полнейшее доверие, что А<нна> весьма расположена ко мне, твердо решила ни за кого не идти замуж, грустит о том, что родители воспрепятствовали ее браку со мною. Вот что я слышу два года сряду, слышу от лиц женского пола моих самых близких и уважаемых знакомых... Кто знает, может быть, и самая болезнь ее известием о которой ты меня так опечалил, имеет началом своим кроме физических причин и моральную причину, что жизнь ее по капризу отца надломлена и испорчена?.. Тебе она не доверяла и в 63 году не доверяет еще больше и теперь: поэтому нет ничего мудреного что ты не знаешь истинных ее чувств и взглядов. Но если она умрет на твоей душе останется грех: ты мог нам сделать многое своим посредничеством, ведя его с большею осмотрительностью и тактом и сделал так мало! Я имею даже повод думать, что крайнее нерасположение твое к ней с одной стороны, а с другой - лишнее оберегание

* Сохраняем орфографию и пунктуацию подлинника.

меня от дурных сторон характера А<нны> - и было побудительною причиною, что ты так мало сделал такого, чтобы вполне соответствовало моим и А<нниным> желаниям... Не сердись друг за укор. Я тебя люблю и всегда буду любить, но всегда скажу, что в отношениях моих к А<нне> ты мог бы оказать большую услугу мне, но не сделал ничего, навлек на себя только неприятности от Круковского... Ты пишешь, что он озлоблен против меня и проч. странное дело! Ты живешь в доме, ты приобрел в этом семействе авторитет, ты меня называешь своим другом и этого друга бранят при тебе и проч. Дивлюсь! Дивлюсь тем более, что и бранить то не за что! Вас<илий> Вас<ильевич> отказал в 1863 году: излишняя поспешность моя и неопределенность моего положения были более или менее основными причинами его отказа; но вот прошло три года: я - если не имею той страсти, которая дурманила бы голову и проч. и проч., то все также остался при взгляде, что А<нна> была бы хорошею женою. Что здесь нет и корысти, видов, ты знаешь, ибо ты же мне раскрыл довольно скудные средства гг. Круковских. Далее. Я в течении трех лет приобрел своими трудами такое положение по службе, которое другим дается только десятками летж; - передо мной торная дорога к чинам, наградам и т. п. С этой стороны - следовательно - самый самолюбивый отец должен был бы успокоиться и быть доволен; - ввиду всего этого не прав ли я был - обратиться к тебе с просьбой, осторожно и с тактом разъяснить все вышеупомянутое В<асилию> В<асильевичу> и Елиз<авете> Федор<овне> - спросить их намерения...

А<нна> больна и будет в Петербурге. Когда же она прибудет и где остановится? Уведоми, пожалуйста, меня. Я бы желал повидать ее, но будь уверен, что решительного шага не сделаю, прежде не жели, во-первых, не уверюсь, что она любит меня, что рада - счастлива, что здоровье ее поправляется... Я бы желал только одного - иметь возможность говорить с нею, не раз, не два, а больше: и повторить мои прежние впечатления и взгляды на нее, с более рассудительной точки зрения. 12 августа я вернусь в Петербург. В Палибино не поеду".¹⁵ К письму была сделана приписка "Пожалуйста, голубчик, разорви все мои последние письма и это так-же, непременно".

Семевский, натура увлекающаяся, действительно был очарован своей избранницей в начале знакомства. С годами это чувство утратило романтизм, в него была добавлена определенная порция практицизма, что тоже было свойственно его характеру. Но чувство это было истинным, не мнимым и, видимо, сохранялось многие годы. Почему они расстались, состоялась ли та встреча, так и осталось тайной. Но в брак Михаил Иванович вступил лишь после того, когда Анна для него навсегда была потеряна, в 1872 г. (с 1870 г. она официально замужем за французским революционером В. Жакларом). С.Я. Штрайх заметил, что своим браком Семевский существенно увеличил капитал, что брак с Е.М. Протопоповой был лишь сделкой и в этом проявился истинный Семевский. Это не совсем так. Доход с приданого (ценные бумаги) составлял меньшую часть дохода семьи. Лишь спустя пять лет

со дня свадьбы было получено наследство - доходные дома в Петербурге. Несколько по-иному можно теперь оценить и последнюю встречу Анны Жаклар с Семевским в декабре 1877 г. в Петербурге. Жаклары в то время бедствовали. Сестра Анны, Софья Ковалевская, предлагала обратиться за помощью к влиятельному Семевскому, тогда уже действительному статскому советнику. Однако Анна не спешила, и встреча произошла по инициативе Михаила Ивановича, во время которой он настоятельно предлагал написать воспоминания о Парижской коммуне, подчеркивая, что хорошо заплатит. Редактор-издатель "Русской старины" был известен своей прижимистостью, ходили анекдоты, что он преднамеренно печатает

только мемуары, чтобы не платить авторам. Лишь изредка, уговаривая "великих", он обещал щедрый гонорар. Так было с его любимым писателем Н.С. Островским (по сто рублей за лист!). Предлагая Жакларам писать мемуары с гарантией покупки и без всякой надежды опубликовать их в ближайшее время, поскольку должны были быть описаны события революции в Париже, Семевский предлагал материальную помощь в приличной для света форме. Анна Васильевна этого или не поняла, или не захотела принять. Она лишь пожала плечами. Пути их разошлись навсегда. Не оттого ли, оказавшись в Палибино в 1890 г., осматривая запустевшее поместье, вспоминая о преждевременной смерти Анны, Семевский испытал чувство мертвящей тоски.

Примечания

1. Тимошук В. М.И.Семеновский: Его жизнь и деятельность. СПб., 1895.
2. Семевский М.И. Поездка по России в 1890 г. // Русская старина. 1890. Т.68. С.713.
3. Штрайх С.Я. Сестры Корвин-Круковские. М., 1933; Он же. Софья Ковалевская. М., 1935.
4. Там же. С.17.
5. ОР ИРЛИ, ф.274, оп.1, д.239, л.21.
6. Там же. Л.25.
7. Там же.
8. Там же. Л.23.
9. Там же. Л.25.
10. Там же.
11. Семевский М.И. Поездка по России..., С.714.
12. ОР ИРЛИ, ф.274, оп.1, д.239, л.33 об.
13. Там же. л.36,36а.
14. Семевский М.И. Поездка по России, С.713.
15. ОР ИРЛИ, ф.274, оп.1, д.239, л.40-41.

М.И. Семевский в начале 1860-х гг. (Из фондов Государственного музея политической истории России)